

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

DOI: 10.31857/S032150750011114-7

ПАССЕЙЗМ И ТРЕВОГА ЗА БУДУЩЕЕ
(магрибинцы о себе и о мире)

© 2020 С. ПРОЖОГИНА

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна, доктор филологических наук, гл.н.с. ИВ РАН; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня» (svetlana.projogina@mail.ru)

Резюме. На протяжении всего периода существования франкоязычной литературы в Магрибе (Алжир, Марокко, Тунис) - с 50-х гг. XX в. вплоть до наших дней - писатели обращались к теме Прошлого, критикуя старые традиции и обычаи, мешающие прогрессу и модернизации общества, но и отмечая ростки Настоящего времени, которое рисовалось как время надежд. Во время усиления проникновения идей исламского интегризма в общественное сознание, гражданской войны в 1990-е гг. в Алжире появились мотивы не только ностальгии по Прошлому, но и интонации тревоги за Будущее своего восточного и западного мира, обьятого вызовами последствий глобализации.

Ключевые слова: Магриб, франкоязычная литература, мотивы исторического прошлого, воображаемое будущее, критика национальной реальности, поиски диалога Востока и Запада

LE PASSEISME ET L'ANXIETE POUR LE FUTUR (la realite nationale et occidentale dans l'oeuvre des ecrivains maghrebins d'expression francaise)

Svetlana V. PROJOGUINA, Professeur, Chercheur scientifique a l'Institut de l'Orient de l'Academie des Sciences de la Russie (svetlana.projogina@mail.ru)

Annotation. A partir des années 50 du XXs jusque aujourd'hui les écrivains du Maroc, de l'Algerie et de la Tunisie de l'expression française ne cessent pas l'exprimer leur regard envers à l'époque coloniale. Certains comme Marocain D.Chraïbi, ou comme Tunisien A.Memmi ou Algeriens M.Dib, R.Boudjedra la nîtriquant sévèrement et rejetant dans le Passé accompli ou continuant dans le Présent à vivre dans les traditions anachroniques.

Mais de plus en plus dans les livres des Maghrebins comme par exemple Y.Hadra, M.Tlili etc., apparaissent les motifs nostalgiques ou passistes quand on voit la possibilité et les recherches du dialogue et même son existence en coexistence avec la France à l'époque coloniale la comparaisant avec la réalité nationale cotermporaine pleine de nouvelles contradictions interieures, profondes et incommestibles avec les idéaux de la lutte pour l'indépendance.

Certains auteurs comme les Algeriens R.Boudjedra ou A.Djebar cherchent dans le Passé les causes objectives et historiques du mal du Présent. Les autres écrivains comme l'Algeriens B.Sansal cherchent à prévenir la réalité actuelle contre le danger de la radicalisation religieuse en créant utopie de l'existence de son pays sous le pouvoir absolu des fanatiques.

Dans le texte ci dessous sont presents les exemples le plus éloquents de la littérature bien volumineuse développée parmi les Magrebins vivant et aux pays natals et en emigration élaborant les motifs métaphoriques du Passé et du Futur qui reflètent le temps Présent plein des angoiasses, des contradictions et des esperéncas à la possibilité de rétablir la paix entre l'Orient et l'Occident.

Les mots clés: le Maghreb, la réalité nationale et occidentale dans l'oeuvre des écrivains maghrébins d'expression française

Предлагаемая вниманию читателей статья подтверждает возможности художественной литературы как особой формы общественного сознания стать свидетелем своей эпохи и отвечать вызовам современности.

Когда страны Магриба (Алжир, Марокко, Тунис) одна за другой добились независимости от власти французского колониализма (в середине 50-х - начале 60-х гг. XX в.), в активно развивавшейся в этом регионе Северной Африки литературе нового типа, создававшейся преимущественно на языке французском, возникла тема *прощания с Прошлым*. В нем, в этом историческом времени, виделись не только гнет чужеземцев, необходимость сопротивления, но и неизбежность *пересмотра* тех старых традиций своей жизни, которые становились «оковами» или препятствиями на до-

роге прогресса, где различались горизонты Будущего.

В среде нового социального слоя магрибинцев, уже говорившего и писавшего по-французски (при всем необходимом для мусульман начальном образовании в «коранических школах» при их мечетях), возник абсолютно **новый тип общественного сознания**, стремившегося *избавиться* и от Власти Чужого, и от уже тяготившего наследия того Прошлого, в котором усматривались «застойные» традиции и их последствия.

Самая яркая декларация *«прощания с Прошлым»* (во всем его объеме, но особенно в проявлениях гнета патриархальных традиций) и начало поисков **Настоящего Времени** для Человека и его Народа - в романе марокканца Д.Шрайби¹ «Простое прошедшее» (или «Просто прошедшее» [1],

¹ О творчестве этого писателя см. подр. в моей работе «Дрис Шрайби или Новое Время в литературе Марокко». М., Наука, 1986; а также в кн.: Прожогина С. Марокканский ноктюрн. М., 2015.

где в названии используется одна из номинаций в грамматической парадигме глагольных времен французского языка, специально выбранная писателем именно как степень **завершенности** Прошлого (не *Passé antérieur*, не *Passé composé*, но именно *Passé simple*).

Навсегда расставаясь с Прошлым (и своей семьей, и своим личным опытом жизни в родной стране), герой произведения отправится «за море» искать дорогу Свободы, хотя, как покажет дальнейшее творчество писателя, и на Западе он не обретет желанных идеалов освобождения...

Поиски **Настоящего Времени** будут продолжаться в творчестве магрибинцев, свидетельствовавших об эволюции общественного (и личностного) самосознания в своих странах на протяжении всего развития современной магрибинской художественной словесности вплоть до наших дней.

Эти поиски были очевидны в творчестве алжирцев Р.Буджедры и Н.Фареса и знаменитого тунисца А.Мемми в 60-х - 80-х гг. XX в. И особенно - в творчестве марокканцев: Гонкуровского лауреата Т.Бенджеллуна, М.Хайреддина, А.Катиби и, конечно же, Д.Шрайби, уже достаточно разочарованного и новой реальностью своей страны, и своими наблюдениями и опытом жизни в реальности Запада, где не состоялись искомые им и героями его произведений идеалы Справедливости и Свободы...

В 1990-е гг. все вышеотмеченные крупные писательские имена, но особенно алжирцы, постепенно пополняявшие литературу конца XX - начала XXI вв., обратились к острым проблемам, возникшим в общественной жизни и Востока, и Запада, связанным с усилением политического исламизма. Это явление особо значимо поразило Алжир, где в самом конце 1980-х гг. вспыхнула гражданская война, обнажились внутренние противоречия политического, социального, этноконфессионального и культурного свойства. Попавшие во власть представители партии Фронт исламского спасения на протяжении почти десятилетия привели Алжир к тяжелым испытаниям. То, что происходило в стране реально (где искоренялось «всё западное», где насаждались идеи «радикального», «фундаментального» ислама, воззвавшего к «возвращению к истокам», где была истреблена значительная часть интеллигенции и т.д. и т.п.), не могло пройти мимо осознания трагедии гражданской войны писателями, в художественной форме типизировавших, метафорически обобщавших, запечатлевавших окружающую реальность в своих произведениях.

Книги Р.Буджедры², назвавшего всё происходящее в его стране «беспорядком вещей»; Р.Мимунни³, сравнившего всё случившееся на исходе XX в. с историей всех войн, набегов чужеземцев, захватов родной земли с неким *историческим проклятием* [2]; творчество А.Джебар⁴, создавшей не

только символически обозначенный в названии ее сборника новелл «Оран, мертвый язык» [3] портрет истерзанной новой войной своей родины, но и документальный мартиролог «Белый саван Алжира» [4], указав имена *всех* выдающихся алжирцев, убитых или растерзанных исламистами.

Все эти, как и многие другие произведения, - особая часть «исторических хроник» реальных событий. Все они полны либо печали об утрате *Настоящего* времени, т.е. того, о котором мечтали, либо заботы о его **свершении**, несмотря ни на что, во имя Будущего.

Но, судя по весьма сдержанной (не только научной) информации о том, что происходит в стране после официальной «зачистки» вылазок радикального ислама (да и въезд в Алжир достаточно ограничен вот уже долгие годы), и очевидно появившейся в искусстве слова весьма устойчиво удерживающейся до наших дней новой интонации (как определенного рода настроения общественного сознания), - ожидание «*светлого Будущего*» еще далеко «за горами».

Я имею в виду достаточно объемный корпус произведений алжирцев, крупных писателей, все чаще обращающихся, хотя и по-новому, именно к **Прошлому**. И историческому, и биографическому, и колониальному, и эпохи войны за независимость, и уже к явлениям новейшей истории. Эта интонация - и в сохранившихся воспоминаниях (лично своих или своих героев), или в реальных фактах исторических, хотя и метафорически осмысленных. Возникают какие-то новые ориентиры, опоры, ценностные представления об этом Прошлом.

Однако надо отметить, что эта интонация некоего *лирического пассаизма* уже с середины 1980-х гг. была свойственна и марокканцам, и тунисцам, - тоже магрибинцам, пережившим в чем-то схожую с алжирцами эпоху «французского присутствия», и, конечно же, эпоху борьбы за Независимость и Свободу, и эпоху постколониальных общественно-политических трансформаций (Д.Шрайби, А.Мемми, М.Тили, Т.Бекри и др.⁵).

Поиски *Настоящего* времени обратились в сторону тех прошедших (или давно прошедших) времен, когда и культурная *самобытность*, и *самостоятельность*, и возможность *самоориентации* человека и его народа определялись не только возможностью выбора между традициями (и даже «заветами предков») и новациями.

Именно так и осуществляют свой выбор герои - индивидуальные или коллективные - в романах Д.Шрайби («Мать Весны» и «Расследование в деревне»), А.Мемми («Фараон»), М.Тили («Гора Льва») и др. Магрибинский писатель М.Тили осмелился даже в своих романах «Гора Льва», «Послеполуденный отдых в пустыне» [5] рассказать о том, что даже в эпоху «французского присутствия» было гораздо меньше *различия «своего»*

² О его творчестве см. мою работу «Алжирская сюита». М., ИВ РАН, 2014.

³ О нем подр. в нашей работе «Смятение». М., ИВ РАН, 2019.

⁴ Подр. о нем в указ. выше работе «Смятение».

⁵ О них подр. см. в нашей работе «Тунисская элегия». М., ИВ РАН, 2016.

и «чужого», гораздо меньше притязаний на «захват пространства» существования народа, чем в эпоху Власти «Своего», в эпоху всеторжествующего «проникновения капитализма», всерасширяющейся пропасти между богатством и бедностью и между всеторжествующим засильем *своих* же «правителей» и бесправием их Народа...

«Наступление пустыни» как лейтмотив последних романов М.Тлили свойственен (хотя и в другой тональности) и знаменитому алжирцу М.Мулессеулю, взявшему себе псевдоним «Ясмينا Хадра». Именно под этим именем писатель (переведенный на многие языки мира, в т.ч. и на русский) издает в 2010 г. свой роман «Что должен Ночи День» [6], в котором показал, что даже в *эпоху антиколониальной борьбы* «простой алжирец», помогавший партизанам, мог позволить себе увлечься неким «идеалом Свободы», воплощенным в его возлюбленной - *француженке*...

И писатель снова обратился к *Прошлому*, уже из своего собственного детства, вспомнив родное селение на юге страны, на подступах к Сахаре, свои юношеские мечты о *преодолении горизонтов «песков безысходности»*, свои надежды на Будущее, свои грезы, питаемые его вольнолюбивым народом, возвращающим свой теннисный и прохладный Сад среди раскаленного зноя... (роман «Что должен Мираж Оазису» [7]).

Но Пустыня, видимо, по-своему «наступала» не только в творчестве Ясмины Хадры, но и у классика алжирской литературы М.Дибя и др. алжирцев⁶, и в творчестве, к примеру, известного тунисского поэта, когда-то высланного из Туниса за участие в студенческих волнениях, живущего в политэмиграции во Франции Т.Бекри, который тоже черпал и черпает по сей день свое вдохновение именно в образах своей юности, прошедшей на окраинах тунисского города Габеса, где пустыня подбирается совсем близко, а значит и создает свои прекрасные миражи, «видения» того, что оказывается *нереальным* [8].

Это не означает, что писатели-магрибинцы как-то очень индивидуально-лично (или, как принято говорить, «субъективно») отражают окружающую реальность, которая не соответствовала тем или иным романтическим идеалам, которые были порождены стремлением **расширить горизонты Надежды** и обрести Свободу... *Объективно* происходили процессы, особенно в Алжире, когда угроза «*торжества Мрака*», а не Света «*далеких звезд ожиданий*» чего-то Лучшего была настолько ошущима, что в творчестве многих наиболее значимых писателей резко обозначились тенденции «*возврата к Прошлому*» ностальгического пассаизма в поисках причин происходящего (гражданская война, наступление исламского фундаментализма и т.д.), так и в поисках каких-то новых «маяков», в которых искрится Свет каких-то еще надежд на возможность *иного Будущего*.

Именно так и поступает, к примеру, Рашид Буджедра, чьи произведения в 1970-х - 1990-х и начала 2000-х гг. неустанно свидетельствуют о пусть несколько различных, но именно **Историй одной семьи**, где, как в капле воды, отражаются внутренние проблемы «традиционного устройства» общества, когда засилье внедряемых отцом-патриархом «религиозных догм» и патриархальных устоев обрекает на бесправие и мать, и женщину в целом, страдающих или прорывающихся к известной доле свободы (романы «Отверженные», «Солнечный удар», «Тление», «Дождь» и мн. др.).

Но даже усматривая в историческом Прошлом - в ретроспекции - некую метафорическую возможность на прогресс, во всяком случае, на «движение только вперед» (как это было с арабо-берберским воинством, осуществившем захват Южной Европы - роман Р.Буджедры «Взятие Гибралтара»), писатель все-таки главные свои усилия (и художника, и гражданина) посвящает в 1990-е гг. - начале XXI в. окружающей его *реальности* Алжира, где постепенно воцарялся хаос и торжествовали исламские фундаменталисты (романы «Беспорядок вещей», «Жизнь наизнанку», памфлет «Фронт несправедливости», 19927).

В этой связи не могу не отметить творческого такого, безусловно, выдающегося писателя, как Буалем Сансаль. В своем романе «Деревня немца» (Р., 20088), получившим «Большую премию мировой франкофонии», писатель предупредил Европу об угрозах исламизма, сравнив его с немецким нацизмом (прогремевшие взрывами многочисленные теракты в Париже, Ницце и др. городах в 2015 г. только подтвердили обоснованность тревоги писателя за будущее Европы). И создает роман «Улица Дарвина» [9], где не просто фиксирует кризис национальной идентичности многих алжирцев, но и усматривает в нем главную причину драматического развития Новой истории страны: отвержение алжирскими исламистами-фундаменталистами подлинной сущности уже исторически сложившейся, пусть и трагически, порой, «*замешанной*», но *многосоставной истоковости* современных алжирцев, и не только арабо-берберских...

Эпоха исламистского терроризма как неизбежность искоренения «всего западного» влекла за собой, по убеждению Б.Сансаля, не только ощущение мрака завесы от любого рода изменений, прогресса, но и разрушение уже издавна сложившегося типа некоей культурной и этноконфессиональной метисности алжирцев (учитывая и тот фактор, что принявшие ислам *берберы* до сих пор сохраняют свои народные верования и поверья, а значительная часть алжирской интеллигенции очевидно бикультурна, не важно, с каким акцентом языкового доминирования - французского, как прежде, да еще и сейчас, или английского, как это модно сегодня).

Но больше всего писатель тревожится за Будущее и своей страны, и других стран, создавая или

⁶ Об этом подр. в моей работе «Между мистралем и сирокко». М., ИВ РАН, 2008.

⁷ Дословное название памфлета - «F.I.S. de la Haïne», где в аббревиатуре содержится наименование Фронта исламского спасения.

⁸ О нем подр. в нашей работе «Новые идентичности». М., ИВ РАН, 2012.

«утопические», или просто метафорически сгущенные образы, - впрочем, эта «сгущенность» определяется некоторыми вполне объективными реалиями, которые присутствуют в любом вымысле произведений, которые вызваны к жизни именно *тревогой* за возможные или вероятные последствия реализации политического исламизма.

«Метаморфозы» реальности и в том, и в другом плане воссозданы Б.Сансалем в его романах «Год 2084, или конец света» (Р., 2015) и «Поезд в Эрлингер, или метаморфозы Бога» (Р., 2017, переиздан в 2019) [10].

В первом предстает картина жизни в некоей обширной империи Абистан, ниспосланной неким богом *Йолаком* на землю. Ее система организации основана на полной амнезии и покорстве ее людей своему «Богу Единому». Всякая собственная мысль человека не допускается или искореняется, ибо всепроникающая бдительность правителей позволяет пресекать и карать любые идеи и действия, противоречащие Воле Всевышнего.

...Народ Империи счастлив и вопросов особо не задает. Али - герой произведения - вдруг подвергается сомнению навязанные «свыше» истины. Он отправляется на поиски «сущности» бытия своего народа и открывает для себя существование «особых гетто», где живут «ренегаты» - отрицающие «вездесущий» Порядок... Естественно, что эти поиски обречены и на предательство, и на растерянность тех, кто, увидев «*другой мир*», перебравшись за «вершину Горы» и даже «невозможную высоту Поднебесья», вернулся оттуда, не найдя и там своих целей и идеалов. Однако поиски «лучшего мироустройства», уверен писатель, будут продолжаться, и граница рано или поздно будет *пересечена* для встречи Добра, а не преступлений против человечности...

Проекция предсказуемой писателем возможной реальности весьма узнаваемых мусульманских стран, где доминирует вера в беспредельность «Всемоущего», на состояние реальности Европы, где вынужденно существуют рядом друг с другом (в отличие от сосуществования) разные конфессии, в т.ч. и мусульманская, объем присутствия которой только за последние годы значительно увеличился в связи с приютом беженцев, эмигрантов, вынужденных либо войнами, либо экономическими и прочими «невозможностями» жить не в своих родных странах...

Второй, написанный в 2017 г., «фантастический» роман о страшных ожиданиях жителями какого-то провинциального немецкого городка *нашествия врага*, который якобы угрожает их жизни, их привычному благополучному существованию, превращается в фиксацию психологического напряжения европейских обывателей, не способных смириться с уже практически состоявшимся вторжением «чужого» в свою жизнь, в частности, - мусульман. Но и надежда немецкого городка на «избавление» в ожидании какого-то *никогда не приходящего по расписанию поезда*, якобы способного вместить *всех* и увезти туда, где *нет никакой опасности*, превращается писателем в постоянную цепь философских размышлений не только о свершившейся в эпоху глобализации «мультибъитности» *современной реальности*, но и об извращениях разных религиозных *основ*, свершавшем нередко в Истории Человечества («Поезд в Эрлингер, или метаморфозы Бога»).

Используя опыт разных своих предшественников - художников слова, писавших о *превращениях человеческих судеб* в исторических и религиозных катаклизмах, алжирец Б.Сансаль на основе реально пережитых Францией еще в 2015 г. актов исламистских террористов превращает обычный «эпистолярный» жанр - переписку пострадавшей в этих кровавых событиях француженки со своей дочерью - в некую фантазию изуверченной насилем матери в воображаемое ею существование в другой стране, где люди будут вечно ждать своего спасения и избавления от воображаемого врага, который имеет все приметы «мусульманского присутствия»...

Таким образом реализуется и сама тревога писателя за Будущее человечества, разъединенного и конфессионально, и социально, и политически (и экономически, как показано даже в художественном произведении), вызванная реальным нашествием (начиная с начала 2000 г.!) радикального исламизма, с чем может справиться разве что только Надежда человека на усвоение опыта всех общественных и других религиозных «метаморфоз» на Земле Людей (если воспользоваться дефиницией нашей планеты Антуана де Сент-Экзюпери).

Присоединимся к этой надежде и мы. Опыт творчества современных писателей-магрибинцев просит прислушаться к их «Ностальгии по Настоящему»⁹.

⁹ Из одноименного стихотворения А.Вознесенского.

Список литературы / References

1. Chraïbi D. Le passé simple. P., 1953.
2. Mimouni R. La malédiction. P., 1998.
3. Djebbar. Oran, langue morte. P., 2000.
4. Djebbar A. Le blanc de l'Algérie. P., 2003.
5. Tlili M. La montagne de Lion. P., 2008; L'Après-midi dans le Désert. P., 2008.
6. Hadra Y. Ce que le jour doit à la nuit. P., 2010.
7. Hadra Y. Ce que Mirage doit à l'Oasis. P., 2017.
8. Bekri T. La nostalgie des rosiers Sauvage. D., 2014, 2016.
9. Sansal B. Rue Darwin. P., 2011.
10. Sansal B. 2084 ou la fin du monde. P., 2015; Sansal B. Le train d'Erlinger, ou les métamorphoses du Dieu. P., 2017.